

Е. П. КАРНОВИЧ

ПАННА ЭЛЬЖБЕТА

Евгений Петрович Карнович
Панна Эльжбета
Серия «Очерки и рассказы
из старинного быта Польши»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=621715

*Карнович Е. П. Очерки и рассказы из старинного быта Польши:
Типография Ф. С. Сущинского; СПб.; 1873*

Аннотация

«В числе первых любимцев короля Станислава Августа Понятовского был великий гетман литовский Михаил Огинский. Давнишнее знакомство с королём, одинаковое воспитание, а главное, сходство характеров и блестящее положение Огинского сближали короля с магнатом. При дворе завидовали Огинскому; все старались повредить ему в мнении короля; но все придворные интриги оставались безуспешны, дружба его к гетману была неразрывна до тех пор, пока, без всяких происков вельмож и царедворцев, вмешалась в это дело простая восемнадцатилетняя крестьянская девушка, по имени Эльжбета или Елизавета...»

Евгений Петрович Карнович Панна Эльжбета

В числе первых любимцев короля Станислава Августа Понятовского был великий гетман литовский Михаил Огинский. Давнишнее знакомство с королём, одинаковое воспитание, а главное, сходство характеров и блестящее положение Огинского сближали короля с магнатом. Несмотря на упадок королевского сана в Польше, дворянство льстилось вниманием, а тем более любовью короля, и поэтому при дворе завидовали Огинскому; все старались повредить ему в мнении короля; но все придворные интриги оставались безуспешны, дружба его к гетману была неразрывна до тех пор, пока, без всяких происков вельмож и царедворцев, вмешалась в это дело простая восемнадцатилетняя крестьянская девушка, по имени Эльжбета или Елизавета.

Доныне в картинной галерее, принадлежащей одной знаменитой польской фамилии, сохранился портрет этой девушки, работы известного в своё время Бакчиарелли. Портрет лучше всего свидетельствует о необыкновенной красоте той, с которой он был снят, и которой суждено было расстроить дружбу Понятовского с Огинским и до некоторой степени подействовать на судьбу Польши.

Однажды гетман поехал на охоту в одно из обширных своих поместий и на берегу реки Равки встретил девушку, которая поразила его своей красотой. Огинский был любитель женского пола и смотря на прелестное личико крестьянки не вытерпел, чтобы не заговорить с нею.

Он спросил, кто она и зачем ходит одна по лесу, и получил в ответ, что она дочь лесного сторожа, который умер, оставив её на руках мачехи; что злая мачеха обижает её, и что она ушла в лес, желая избежать тех огорчений, которые она встречает дома.

– Знаешь ли ты меня? – спросил Огинский.

– Как же не знать вашей княжеской милости, – отвечала девушка.

– И ты не боишься меня?

– Что же? разве ясный пан какое-нибудь пугало? – напротив.

Похвала крестьянки Огинскому, который был действительно красивый мужчина, была весьма приятна.

– А могла бы ты полюбить меня? – спросил Огинский.

Румянец вспыхнул на щеках девушки, она ничего не отвечала и потупила глаза; но когда подняла их, то взгляд её встретился с взглядом Огинского.

– Скажи мне, – продолжал Огинский, – но скажи правду: никто ещё не любил тебя?

– Кто же полюбит меня, бедную сироту!.. Правда, ухаживают за мной многие и пристают ко мне, да что в этом...

– А как твоё имя?

– Эльжбета.

– Ну слушай, Эльжбета, – сказал Огинский, – я тебя избавлю от мачехи.

Девушка в восторге бросилась обнимать ноги магната.

– Я дам тебе, – продолжал Огинский, – такие уборы, каких нет у жены моего эконома, я сделаю тебя знатной пани, у тебя будут слуги в галунах и в ливреях, у тебя будут славные кони и золотые кареты, и всё это будет... сегодня вечером.

Не успел гетман кончить последних слов, как на дороге показалась старая бричка, и в ней сидела грязная цыганка.

– Подай мне хоть грош, пригожий панич, – сказала она Огинскому, – и поданная мне милостыня возвратится к тебе с избытком.

– Не нужно мне этого, – сказал Огинский, подавая цыганке несколько золотых монет, – а вот лучше поворожи этой девушке.

Цыганка взяла маленькую руку Эльжбеты, и внимательно смотря на линии ладони, шептала что-то, а потом сказала громко:

– Ты будешь знатная госпожа!

– Видишь, я говорил правду, – шепнул Огинский девушке.

– Будешь жить в дворцах, ходить в шелку и золоте, за тобою будут ухаживать самые знатные паны.

Эльжбета задрожала от радости, но вздрогнул и Огин-

ский, когда цыганка сказала громче прежнего:

– Мало этого – ты будешь женою короля!

Несмотря на своё прекрасное образование, на дух времени и даже на переписку с Вольтером, Огинский был суеверен; притом мысль о короне была в голове каждого магната, и как же было не думать о ней Огинскому, прямому потомку Рюрика, одному из сильнейших и богатейших вельмож и в Литве, и в Польше? Ему показалось, что, имея в руках своих судьбу будущей королевы, он сам может легче сделаться королём.

В тот же день вечером Эльжбета переехала в Наборово, имение Огинского; щедрый магнат окружил её неслыханною роскошью, толпы слуг и прислужниц, великолепно одетых, явились исполнять её малейшие прихоти. Учителя один за другим приходили развивать и обогащать природный ум молодой крестьянки, так неожиданно перешедшей от бедности и притеснений к богатству и роскоши.

Хотя в то время вельможи, подобные Огинскому, и были избалованы мелкими победами над женщинами высшего круга, тем не менее Огинский всем сердцем привязался к Эльжбете, и уже ходила молва, что быть может королевой ей и не бывать, но зато гетманшей будет непременно.

Последнее вероятно и сбылось бы, если бы о редкой красоте Эльжбеты не проведал задушевный друг Огинского, король Станислав Август, тоже страстный поклонник женщин, и чтоб убедиться во всём он приехал в Наборово.

– Правда ли, пан Михаил, – сказал король гетману, – что ты влюблён без ума?

– Быть может, ваше величество.

– И ещё в крестьянку?

– Красота женщины, государь, как говорит французская пословица, для неё важнее, чем родословная в четырнадцать дворянских поколений.

– Шалишь, шалишь, мой друг, – говорил ласково король. – Ты набрался бредней Вольтера и Руссо; но они хороши только в теории.

– Я убедился, ваше величество, что они в некоторых случаях так же хороши и на практике.

– Да, – перебил король, – молва гласит и это.

– И справедливо; вы бы сами, государь, разделили это мнение, если б знали ту женщину, которая осуществляет теорию.

– Будто бы уж она так хороша? – спросил король, и восторженный Огинский в самых привлекательных красках описал прелести Эльжбеты, перед которой померкли бы все красавицы Варшавы.

– Что же, – заметил король, – такая женщина и в самом деле достойна сделаться великой гетманшей Литовской.

– И чем-нибудь побольше, – сказал загадочно Огинский, – и этим возбудил любопытство Станислава Августа и наконец по его настоянию должен был рассказать о предсказании цыганки.

Король, надобно заметить, был так же суеверен, как вообще люди, жизнь которых отличалась каким-нибудь необыкновенным случаем.

– Покажи мне будущую королеву, – сказал Понятовский.

Огинский нахмурил брови, потому что знал, как король любил женщин, и как он умел искусно обольщать самых стойких из них, а потому и медлил исполнить желание короля.

– Ага! – сказал Понятовский, – ты боишься и за неё, и за корону... Да правда, – добавил он насмешливо, – муж будущей королевы сам может быть королём, особенно если это предскажет бродячая цыганка. Смотри, я напишу об этом Вольтеру.

Вольтер господствовал в то время над умами, и Огинский боялся его более, нежели набожные предки его боялись самого чёрта. Затронутый за живое насмешками короля, он решился показать Эльжбету.

Король, как говорит предание, был поражён красотой Эльжбеты с первого разу, и, казалось, второе предсказание цыганки началось сбываться, потому что его величество, несмотря на важные государственные дела, призывавшие его в Варшаву, прогостил в Наборове три дня, а на четвёртый выехал из Наборова, пригласив ехать вместе с собою и своего осчастливленного хозяина.

Но едва только король и гетман выехали из Наборова, как просёлочную дорожку, по направлению к Варшаве, покати-

лась красивая коляска, и в ней сидела прелестная Эльжбета; сопровождали её три казака и Конаржевский, главный исполнитель всех сердечных повелений его величества, короля польского Станислава Августа.

В продолжение четырёх дней, почти постоянно проведённых с королём, в то время мужчиною весьма красивым и умевшим нравиться женщинам и умом и обхождением, Эльжбета успела полюбить его без памяти, и кроме того убедившись на деле в справедливости первой части предсказания, она уже грезила о королевской короне.

Огинский вышел из себя, узнав о вероломстве своего друга; он проклинал высокую честь, ему сделанную, и грозил отплатить королю, как только представится случай. Тщетно король употреблял все усилия, чтобы снова сблизиться с раздражённым магнатом. Огинский не мог забыть, что король лишил его и сердечной привязанности, и надежды на корону, и в отместку за это пристал к конфедерации, имевшей такое губительное влияние и на участь короля, и на судьбу Польши.

Но конечно вы читатель спросите: что же случилось с Эльжбетою, главною виновницею всего этого; скажу вам, что предсказание цыганки сбылось и она сделалась женою короля. Но вы на это возразите: Как же это было? ведь известно, что Понятовский не женился на Эльжбете. Случилось это очень просто:

Пресыщенный любовью Эльжбеты, непостоянный Станислав Август выдал её замуж за одного бедного дворянина,

фамилия которого была Krul, что значит по-польски король, и таким образом Эльжбета была женою короля, но только не того, о котором она мечтала.